

Глубокая осень. В узкой комнате гудел кондиционер, нагоняя тепло.

На аккуратных полках книжного шкафа царил порядок, на столе лежали раскрытые книги и документы, рядом с ними — Kindle и компьютер.

Экран компьютера был включён, а на блокноте возле клавиатуры виднелись несколько строк изящного почерка. Автор этих строк, одетый в свитер, спал на односпальной кровати.

Его лицо, обрамлённое длинными ресницами, было красивым, но нахмуренные брови выдавали тревогу, словно он видел кошмар.

Внезапно зазвонил телефон, стоящий у кровати, и разбудил спящего.

Хань Сюнь, тяжело дыша, с трудом сел. Его спина была мокрой от пота, голова путалась, а глаза смотрели на знакомое окружение с растерянностью.

Телефон продолжал звонить, а на календаре, лежащем на тумбочке, спокойно отображалась дата — 1 ноября, три года назад.

Он не умер?

Ощущение приближения смерти было слишком реальным. Холодные пальцы Хань Сюня сжимали край кровати, едва позволяя ему встать на ноги.

Он чётко помнил, как умер.

Твёрдый хрустальный кубок «Лучший сценарист» ударил его по затылку, сопровождаемый безумными криками убийцы. Даже перед смертью он слышал, как они обсуждали, как скрыть следы преступления.

Хань Сюнь потер виски, чувствуя боль в голове.

Телефон, не дождавшись ответа, замолчал.

С исчезновением монотонного звонка Хань Сюнь уставился на книжный шкаф, и его мысли постепенно прояснились.

Он был сценаристом.

Или, скорее, наёмным писателем.

Потому что любой сценарий с именем «Хань Сюнь» не мог быть продан.

Согласованные контракты разваливались без объяснений.

Проекты, переписанные трижды, внезапно теряли финансирование.

Даже те, что прошли утверждение, подписали контракты и определились с актёрами, откладывались на неопределённый срок по необъяснимым причинам.

Он не мог противостоять капиталу.

Чтобы его сценарии подписывали, снимали и выпускали, нужно было убрать имя «Хань Сюнь».

Но контракты можно было подписывать только под настоящим именем, и даже используя несколько псевдонимов, он через две недели сталкивался с «непредвиденными обстоятельствами».

Два года неудач, и Хань Сюнь смирился, но не собирался сдаваться.

Поэтому он присоединился к студии своего старого друга Сунь Хаожаня и стал его личным наёмным писателем.

Конечно, чтобы сценарии могли быть реализованы, об этом никто не знал.

С тех пор как Сунь Хаожань стал представлять его работы, карьера Хань Сюня пошла в гору.

За три года сотрудничества он написал почти восемь сценариев, три из которых были успешно сняты. Его тщательно проработанные сценарии получили признание на рынке, быстро укрепив позиции Сунь Хаожаня как сценариста.

Имя «Сунь Хаожань» стало синонимом профессионализма и увлекательности, заняв своё место в киноиндустрии.

На экране компьютера остался незавершённый документ.

Даже по нескольким строкам диалога он мог вспомнить название сценария.

«Вкусное сердце», получивший премию «Хуаин» за лучший сценарий.

После этого Сунь Хаожань значительно вырос в цене.

Как только появлялся новый сценарий, его сразу же начинали оспаривать различные киностудии, а крупные компании стали сотрудничать с Сунь Хаожанем, считая его имя гарантией качества.

Все его награды были заслугой Хань Сюня.

К сожалению, когда он снова попытался представить свой новый сценарий, «непредвиденные обстоятельства» снова возникли.

— Простите, у нас проблемы с финансированием.

— Простите, эта история не подходит для нас.

— Простите, контракт недействителен.

На очередной праздничной вечеринке по случаю премьеры нового фильма дядя Хань Сюня, председатель группы «Лучжун» Хань Цзян, встретился с Сунь Хаожанем и объяснил причину:

— Хань Сюнь украл что-то у нашей группы. Пока он жив, мы не позволим ему, вору, называть себя сценаристом. Спасибо тебе за то, что все эти годы следил за ним, иначе он мог бы обмануть нас своими псевдонимами.

Хань Сюнь никогда не крал ничего, но даже после многих лет давления в его сердце оставалась обида. Он напрямую обвинил Хань Цзяна, но не получил ответа, а затем спросил Сунь Хаожаня и узнал, что в киноиндустрии он стал известен как «бесстыдный вор», и никто больше не хотел снимать его сценарии.

Если бы он не услышал это своими ушами, он, возможно, до конца жизни оставался бы безымянным наёмным писателем, проживая свою жизнь в неведении.

О, да.

Хань Сюнь, убрав с лица мокрые волосы, усмехнулся. Он умер и уже прожил свою жизнь в неведении.

Он помог Сунь Хаожаню выиграть хрустальный кубок «Лучший сценарист», а Сунь Хаожань использовал этот кубок, чтобы положить конец жалкой жизни Хань Сюня.

Ирония, от которой хотелось смеяться.

Телефон снова зазвонил, и Хань Сюнь сразу же увидел на экране знакомое имя.

«Сунь Хаожань».

Хань Сюнь нахмурился, встал и направился в ванную, не обращая внимания на звонок.

Он весь был липким от пота, его мысли всё ещё находились в том кошмаре смерти, и он не мог успокоиться, лишь чувствуя растущее раздражение.

Сняв одежду, он встал под душ и открыл кран.

Даже повернув ручку на горячую воду, он ощутил ледяной поток, обрушившийся на него. Хань Сюнь стиснул зубы, терпя внезапный холод, и позволил ледяной воде бить по его плечам, вызывая дрожь.

Только живые знают, что такое пронзительный холод.

Он сжал зубы, стоя под напором воды, лицо его было мокрым, и тихий стон заглушался шумом воды. Боль в душе постепенно утихла, и через некоторое время тело привыкло к холоду, начиная ощущать тепло, которое должно было быть.

Горячая вода из душа стекала по его голове, делая растрёпанные волосы гладкими. Закрытые глаза, ресницы которых прерывали струйки воды, придавали лицу мягкость. Тонкие губы слегка приоткрылись, вбирая воздух, а чистая вода текла по изящной шее, собиралась в ключицах и стекала по худой бледной груди, падая на пол с громким звуком.

Хань Сюнь унаследовал привлекательную внешность. Долгие часы, проведённые в помещении за написанием сценариев, сделали его кожу невероятно бледной, а мягкие, слегка длинные волосы придавали ему небрежный вид.

Когда он закончил принимать душ и вышел, вытирая мокрые волосы, телефон всё ещё упрямо звонил.

Наконец, он ответил.

— Сяо Сюнь, ты наконец ответил!

Голос Сунь Хаожаня звучал знакомо и тепло:

— Алло? Сяо Сюнь? Алло?

— Да, я только что был в душе, — Хань Сюнь держал телефон, оставаясь холодным и отстранённым.

— Я уже начал волноваться, что с тобой что-то случилось или ты поставил телефон на беззвучный, даже хотел прийти к тебе.

— Говори, — Хань Сюнь, вытирая волосы, спросил. — В чём дело?

— Ты ещё спрашиваешь! — голос Сунь Хаожаня стал торопливым. — Сегодня днём у нас встреча, все заинтересованные стороны уже здесь, только тебя не хватает.

— Я скоро буду, — Хань Сюнь положил трубку.

Каждое действие Сунь Хаожаня по отношению к Хань Сюню было наполнено теплотой.

Но вспоминая это, Хань Сюнь чувствовал, что в каждом слове Сунь Хаожаня скрывался скрытый смысл.

Этот человек постоянно следил за его действиями, пытаясь контролировать его мысли.

Раньше Хань Сюнь мог бы подумать, что он сходит с ума, если бы у него появились такие мысли. Теперь же, глядя на знакомую комнату, он смотрел в пустоту, и на его лице появилась лёгкая улыбка.

Теперь, когда он знал будущее, зачем ему быть наёмным писателем?

Продолжать снабжать убийцу оружием было бы слишком глупо.

Студия Сунь Хаожаня располагалась в бизнес-центре недалеко от съёмной квартиры.

На двери висела матовая табличка с надписью «Киностудия Сунь Хаожаня», которая казалась особенно яркой.

Сунь Хаожань ждал долго и наконец увидел фигуру Хань Сюня.

Молодой человек был одет в белый свитер, но его лицо было бледнее, чем ткань. Худые щёки выдавали усталость.

Хань Сюнь был красив, и Сунь Хаожань, зная его долгое время, всё ещё восхищался его внешностью.

Однако его холодный взгляд, направленный на Сунь Хаожаня, был наполнен сложными эмоциями, которых раньше не было...

Сунь Хаожань почувствовал тревогу. Почему ему показалось, что в глазах Хань Сюня была... враждебность?

— Что случилось? — с недоумением спросил Сунь Хаожань.

Хань Сюнь кашлянул, отвёл взгляд и, делая вид, что ничего не произошло, сказал:

— Вчера допоздна писал сценарий, простудился.

— Ты засиделся за новыми идеями? — с нетерпением спросил Сунь Хаожань, забыв спросить о

его здоровье, а на его лице появилась жадность и нетерпение.

Выражение лица Сунь Хаожаня не ускользнуло от внимания Хань Сюня.

<http://bllate.org/book/16443/1490751>